

Литвиновская Ю.И., доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, кандидат исторических наук, доцент

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ВОЙНЫ 1812 Г. В ПЕРЕПИСКЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЫСШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА РУССКОЙ АРМИИ

THE INITIAL STAGE OF WAR 1812 IN CORRESPONDENCE OF REPRESENTATIVES OF THE HIGHER OFFICERS OF RUSSIAN ARMY

В статье анализируется переписка между представителями высшего генералитета России. Она касается ситуации на важнейших направлениях борьбы с армией Наполеона во время войны 1812 г., а также наличия определённых разногласий и даже противоречий в военном сообществе в решении проблем стратегии и тактики войны. Содержащаяся в переписке информация свидетельствует и о непростых личных взаимоотношениях между представителями высшего командного состава армии.

Ключевые слова: война, переписка, главнокомандующие, генерал, адмирал, наступление, оборона, Наполеон, Багратион, Барклай де Толли, Тормасов, Чичагов, сражение, отступление, император.

The article analyzes the correspondence between the representatives of the highest generals of Russia. It concerns the situation in the most important areas of the struggle against Napoleon's army during the war of 1812, as well as the presence of certain disagreements and even contradictions in the military community in solving the problems of strategy and tactics of the war. The information contained in the correspondence testifies to the difficult personal relationships between the representatives of the higher command of the army.

Keywords: war, correspondence, commanders-in-chief, General, Admiral, offensive, defense, Napoleon, Bagration, Barclay de Tolly, Tormasov, Chichagov, battle, retreat, Emperor.

К концу первого десятилетия XIX в. в результате вооружённых конфликтов финансово подпитываемых Англией на европейском континенте, кроме России, не оставалось другой страны, которая могла бы проводить самостоятельную внешнюю политику. Непримируемость русско-французских противоречий привела к тому, что с 1811 г. две империи практически открыто начали готовиться к войне друг с другом. В русском генералитете не было твёрдого единства в отношении плана предстоящей кампании. Большая его часть склонна была к тому, чтобы, учитывая численность войск сосредотачивавшихся на российских границах, остановить неприятеля на заранее подготовленных оборонительных рубежах в глубинных районах России, другие предлагали нанести упреждающий удар.

Наполеон стремился поодиночке разгромить три русские армии расположенные на западной границе империи и прикрывавшие определённые направления, не допустив их соединения. Возглавляемая военным министром М.Б. Барклаем де Толли 1-я Западная армия преграждала путь на Петербург, 2-я армия под командованием П.И. Багратиона защищала московское направление, 3-я Обсервационная (наблюдательная, резервная), возглавляемая генералом А.П. Тормасовым — дорогу на Киев.

Багратион не был согласен с разработанным накануне войны Генеральным штабом планом ведения оборонительных сражений на российской территории и представил свой план основанный на наступательных действиях [3, с. 219]. Он не был поддержан.

Главный удар французских войск был направлен против 1-й и 2-й Западных армий. Обстановка сложившаяся на западной границе России накануне войны и на её начальном этапе повлекла необходимость координации в действиях между командующими двух армий 2-й и 3-й Обсервационной генералами П.И. Багратионом и А.П. Тормасовым, посредством служебной переписки.

В первой половине мая большая часть сил 2-й армии передислоцировались из Волыни в Гродненскую губернию в район Пружан. Их место занимала 3-я Обсервационная армия генерала А.П. Тормасова. Вопросы квартирования войск, обеспечения продовольствием и фуражем, работы госпиталей, передачи войсковых частей из одной армии в другую, т.е. вопросы службы и быта мирного времени, были доминирующими в переписке главнокомандующих двух армий. Первое тревожное известие появилось в письме Багратиона от 4(16) июня 1812 г. Он пишет о поступивших сообщениях «... о движениях и направлении французских и их союзных войск к нашим границам большею частью между Ковно и Гродно» [2, с. 239].

Вследствие этого, отмечает Багратион, получено распоряжение о сближении расположения сил 1-й и 2-й армий. В этих условиях, по его мнению, весьма желательным был бы обмен информацией с главнокомандующим 3-й армией «... О тех предположениях, которые должны последовать для армии вами предводительствуемой» [1, с. 231–240]. Это тем более было необходимо, ибо «легко быть может, что неприятель проникнув в наши предположения и узнав пункт сосредоточивающий войски (за что кажется ручаться не можно) ударит на Волынь или Брест Литовский. В последнем случае нужна бы связь к соединению наших армий и преподанию взаимных пособий» [1, с. 240].

В первые дни войны Пётр Иванович обратил внимание А.П. Тормасова на возможность прорыва французских войск на Волынь. «... Я имею причину думать, — писал он 11(23) июня, — что неприятель предпринимая нападение на пределы наши, как знающий достоинство продовольственной части на Волыне, и ея готовность к содействию, безсумнения воспользуется пространством нас разделяющим, и ворвавшись у Владовы или Бреста ударит в правый фланг армии предводительствуемой вами ... обойдет в тыл оной» [1, с. 240].

Главнокомандующий 3-й Обсервационной армией с этой мыслью Багратиона решительно не согласился. «Весьма согласен с мнением вашим, что продовольственная часть на Волыне и другия ожидания, должны кажется понудить неприятеля воспользоваться ими; однакоже сего ожидать невозможно: ибо цель его войны состоит в нанесении решительного удара, для получения мира, а не вести войну продолжительную; занятием же Волыни прекращения войны достигнуть не может» [1, с. 244].

Касаясь взаимодействия с отступающими частями 2-й армии Тормасов просит Багратиона сообщать ему о направлениях движения войск «... равно и о силах какия противу вас от стороны Бреста либо Белостока действовать будут, дабы я сообразно с сими обстоятельствами мог брать свои меры и действовать сходно принятой общей цели» [1, с. 246].

С началом войны 2-я армия, избегая сражений, стала двигаться на восток для соединения с 1-й армией. «... Я иду довольно спокойно, не быв никем еще преследуем» — писал Багратион 19 июня (1 июля) [1, с. 249].

Важное место в переписке П.И. Багратиона и А.П. Тормасова в конце июня — начале июля (начало — середина июля) занял вопрос организации обороны по реке Припять, в районе городов Пинск и Мозырь. Багратион считал, что противник непременно предпримет активные действия на этом направлении, стремясь нарушить связь с Киевом, и рекомендовал Тормасову предупредить его в этом. «По мнению моему, — писал он 27 июня (9 июля), — Пинск должен быть непременно занят частью войск 3-й армии, или по рассмотрению вашему резервом из Мозыря, тем или другим движением должно предупредить неприятеля, и прикрыть магазейны по Припяти состоящие к самом Мозырю. Я думаю, что

Ваше Высокопревосходительство принять изволили меры к спасению оных; но естли досего не находили вы нужды, то тем более теперь сие необходимо. ... Удержать Пинск и действовать по случаям от онаго можно одною дивизию» [1, с. 252–253].

Багратион также обращал внимание Тормасова на то обстоятельство, что такие действия 3-й армии будут содействовать и улучшению положения русских войск на главном направлении борьбы с армией Наполеона. «Появление Ваших войск от Пинска между Несвижа и Слуцка в тылу сей армии (войска возглавляемые Джеромом Бонапартом, королем Вестфальским. – Ю.Л.), - должно приостановить ее стремление; а мне дать время к удобнейшему нападению на армию Даву, и следованию в соединение с первою нашею армиею», говорится в письме Тормасову от 30 июня (12 июля) [1, с. 253].

В районе Припяти было много различных обозов 2-й армии, а поэтому информация, полученная командующим о возможности появления противника в Пинске его чрезвычайно беспокоила. «Сведение сие (оно было получено Багратионом от начальника Бобруйской крепости генерала Игнатьева) для меня было слишком поразительно, — писал Петр Иванович. — Появление у Пинска неприятеля ... есть доказательством моих мыслей, что Пинск должно было занять непременно и благовременнее» [2, с. 255–256].

Багратион был очень обеспокоен создавшимся положением. Чтобы несколько выровнять ситуацию Петр Иванович предлагает А.П. Тормасову предпринять решительные действия. А для этого нужно, пишет Багратион 3(15) июля, очень срочно, без промедления «... сколько возможно ударить в фланг неприятелю от Пинска. Сим вы еще найдете в способах остановить стремление неприятеля к Мозырю, которое быть должно неизбежно, чтобы вас отрезать от Киева» [1, с. 256].

Главкомандующий 3-й армией, как видно из его послания Багратиону от 5(17) июля правильно оценил ситуацию и предпринял ответные действия в южных районах Беларуси: «Генерал-майору Запольскому предписал я посылать партии (военные отряды. – Ю.Л.) по дорогам к Пинску, Слониму и Минску, а самому стать лагерем по правой стороне реки Припета, укрепя оной по совету инженер генерал лейтенанта Трусона при сем корпусе находящегося, для обороны коего посылаю к нему 6-ть батарейных орудий, а все запасы следовавшие к армии вашей остановленные им в Мозыре как наипоспешнее отправил бы к Бобруйску пока дорога сия свободна, в противном же случае дал мне знать с объяснением какого рода сии запасы и в каком количестве» [1, с. 257]. Генерал А.В. Запольский получил указание Тормасова уничтожить все мосты через Припять, которые мог использовать противник. Вскоре Тормасовым также был «... к стороне Пинска отправлен... отряд кавалерии с подкреплением егерей под командою генерал-майора Мелисино» [1, с. 258].

В своей переписке генералы П.И. Багратион и А.П. Тормасов обсуждали как пути продвижения в южные районы Беларуси 3-й армии для противодействия австрийскому корпусу князя Шварценберга, так и направление отхода 2-й армии. А.П. Тормасов 1(12) июля высказал предположение о возможности отхода 2-й армии на юг: «Как скоро Минск неприятелем занят, — писал он, — то в сем положении неудобно будет вам оставаться долго в Слуцке; я даже боюсь чтобы отступление ваше к Бобруйску не было преграждено, тогда останется вам один путь к Мозырю где найдете сильную и по натуре крепкую позицию...» [1, с. 258].

Багратион соглашался с Тормасовым, что «... сбережение Мозыря конечно и важно и необходимо ...». Генералы рассматривали его как стратегически важный пункт, закрывающий дорогу на Киев. «Но Государь Император, — писал Багратион, — видит намерение неприятеля стремящегося к Могилеву; не желает подвергнуть Смоленск опасности, не переменял своего повеления о соединении армий...» [1, с. 262].

Что же касается защиты Мозыря, то Багратион выразил уверенность, что войск генерал-лейтенанта Ф.Ф. Эртеля, пехотных и артиллерийских подразделений

направленных туда Тормасовым, шести легких орудий, выделенных 2-й армией для генерал-майора Запольского, семитысячного рекрутского пополнения идущего в Мозырь «... будет слишком достаточно, не только чтобы воспретить стремление в сем пункте на Волыне неприятелю, но отражать его нападение в других пунктах параллельных Мозырю» [1, с. 264].

Стремясь соединиться с главными силами русских войск — 1-й Западной армией, которую возглавлял генерал М.Б. Баркалай де Толли (армия находилась в районе Витебска) 2-я Западная армия во главе с генералом П.И. Багратионом двигалась из Бобруйска на Старый Быхов, Могилёв. Значение Могилёва заключалось ещё и в том, что в городе имелся в полной исправности мост через Днепр. Направленный Багратионом авангард — 7-й пехотный корпус генерала Н.Н. Раевского должен был занять город и обеспечить отход и переправу 2-й армии. Но буквально за день до подхода корпуса Раевского к Могилёву 8(20) июля в город вступили войска маршала Л. Даву.

Багратион приказал атаковать французские войска. Сражение состоялось 11(23) июля. В письме Тормасову, написанном на следующий день после боя Пётр Иванович отмечает преимущество позиции противника, который пользовался «отлично выходным лесистым местоположением». Генерал-лейтенант Н.Н. Раевский «... отразив неприятеля, опрокинул его и преследуя до Новоселки, неоднократно в сем пункте устремлял на неприятеля те силы, коим по неудобству места действовать можно было; но и по местоположению натуры и превосходным силам онаго, форсируя позицию не мог вытеснить неприятеля из оной» [1, с. 265–266].

Невозможность пройти через Могилёв для соединения с 1-й армией заставила П.И. Багратиона строить переправу через Днепр в районе Нового Быхова.

Маршал Даву в это время, полагая, что русская армия предпримет повторный штурм его позиций в Могилёве стягивал к городу все свои силы в том числе и двигавшиеся к Смоленску. 2-я армия оторвалась от противника и, как писал Пётр Иванович А.П. Тормасову 20 июля (1 августа), «не имея никаких преград» 17(29) июля достигла Мстиславля. «... Здесь получил уведомление, что первая армия оставив Витебск, потянулась к Смоленску, куда прибудет 21 числа призывая и меня в соединение. Я вследствие сего, оставив Мстиславль прибыл в Хислеевичи (Хиславици. – Ю.Л.), а 21 числа (2 августа. – Ю.Л.) буду за один марш от Смоленска, где и остановлюсь в поджидании обоюдных действий. И как желаю и думать могу; то конечно уже наступательных» [1, с. 266–267].

Хиславици последний населенный пункт входивший тогда в состав Могилёвской губернии через который проходила армия Багратиона по дороге к Смоленску. Здесь было написано Петром Ивановичем его последнее письмо к Александру Петровичу Тормасову, главнокомандующему 3-й армией, из числа тех, которые были помещены П.И. Щукиным в восьмой части своего многотомного собрания. Оно было преисполнено оптимизма в благополучный исход для России тех грозных испытаний, которые переживало его поколение.

«Я с нетерпением ожидаю соединения; хотя в протчем всегда останусь тех мыслей, что и без онаго ничто не мешало нам действовать обоюдно наступательно. Думаю, что мы не можем теперь оставаться ни в бездействии, ниже продолжать отступления; которое на каждом шагу принесет новую бедствия стране российской: и потому наступая отсель на неприятеля и ожидая, что ваше высокопревосходительство с тылу дадите ему почувствовать всю меру дерзкаго его предприятия, отсанется нам действовать и действовать быстро, чтобы успокоить отечество и оправдать доверие к нам Государя Императора» [1, с. 267].

В унисон с этими мыслями Багратиона были слова написанные генералом Тормасовым в его письме от 16(28) июля. Его Пётр Иванович получил уже в Смоленске 24 июля (5 августа) после воссоединения русских армий, которое произошло 3 августа.

А.П. Тормасов писал о результатах Кобринского сражения, которое произошло 15(27) июля между войсками его армии и силами саксонского корпуса генерала Ж.-Л. Ренье, о «... совершенном разбитии и покорении всего отряда соксонских войск занимавших город Кобрин, где по упорном и сильном его сопротивлении и защищении себя, продолжавшемся через девять часов наконец был поражен...» [1, с. 267–268]. Это была первая с начала войны крупная победа русских войск. Наполеон вынужден был усиливать группировку своих войск на юге Беларуси, что отрицательно сказывалось на боеспособности французских войск на московском направлении.

На начальном этапе войны 1812 г. в период отступления русской армии к Москве, князь П.И. Багратион имел обширную переписку со многими представителями правящего сословия России. Обращают на себя внимания четыре письма адресованные Алексею Андреевичу Аракчееву — управляющему канцелярией императора Александра I. Он ведал комплектованием и пополнением войск, созданием народного ополчения. Одно из них было написано, как видно по его содержанию, в первые дни после вторжения армии Наполеона в пределы Российской империи. Багратион решительно протестует против избранной тактики отступления и завлечения противника вглубь страны с целью его последующего ослабления и разгрома. «Я вас прошу непременно наступать на неприятеля, — писал он, — а то худо будет и от неприятеля, а может быть и дома: шутить не должно. И русские не должны бежать. ... Зачем предаваться законам неприятельским, тогда когда мы можем их победить; весьма легко можно сделать — приказать двинуться вперед, сделать сильную рекогносцировку кавалериею и наступать целою армиею. ... Наступайте ради Бога; войско ободрится. ... Советую наступать тотчас; не слушайтесь никого ...» [1, с. 166].

В письмах, написанных Багратионом Аракчееву после объединения русских армий 3 августа 1812 г. просматривается вся сложность межличностных взаимоотношений между двумя главнокомандующими: «... я никак вместе с министром не могу, — писал Пётр Иванович. — Ради бога пошлите меня куда угодно, хотя полком командовать — в Молдавию или на Кавказ, а здесь быть не могу, и вся главная квартира немцами наполнена, так что русскому жить невозможно. И толку никакого нет» [1, с. 167].

Сказывались и неудовлетворенные личные амбиции Багратиона. Он претендовал на руководство объединенными армиями. Имея одинаковые с М.Б. Барклаем де Толли воинские звания — генерал от инфантерии, П.И. Багратион считал себя более опытным в военном деле. Барклай де Толли же, полагал Пётр Иванович, возглавил две армии лишь как военный министр поскольку император не высказал своего мнения о главнокомандующем: «Вся армия просила меня гласно, чтобы я всеми командовал, но я на сие им ничего не отвечал: ибо есть воля на то Государя моего и хотя до крайности и огорчен лично от министра...» [1, с.167].

Багратион считал, что военный министр не всегда хороший главнокомандующий. Их разъединяло различное видение стратегии и тактики войны. Багратион — решительный и порой импульсивный в своих поступках и действиях отличался от осторожного и склонного к принятию взвешенных решений М.Б. Барклая де Толли. И на этой почве нередко возникали противоречия между двумя крупнейшими полководцами русской армии периода войны 1812 г. «Я думаю, — писал Багратион Аракчееву 7(19) августа, — что министр уже рапортовал об оставлении неприятелю Смоленска. Больно, грустно и вся армия в отчаянии. Это самое важное место понапрасну бросили.

... Ваш министр может хороший по министерству, но генерал не то что плохой, но дрянной — и ему отдали судьбу всего нашего отечества.

... Скажите ради бога, что наша Россия, мать наша, скажет, что так страшимся, и за что такое доброе и усердное отечество отдавать сволочам, и вселять в каждого подданного ненависть, что министр нерешителен, трус, безтолков, медлителен и все имеет худые качества. Вся армия плачет совершенно и ругают его на смерть.

... Лучше пойду солдатом в суме воевать нежели быть главнокомандующим и с Барклаем» [1, с. 168–169].

В условиях неразрешимых противоречий между М.Б. Барклаем де Толли и П.И. Багратионом остро встал вопрос о едином, авторитетном главнокомандующем. Он был тем более необходим, что в условиях постоянного отступления военный министр вызывал всеобщее недоверие не только в армии, но и в российском обществе. Появились даже обвинения в предательстве Барклая де Толли. Через три дня после Смоленского сражения, 8(20) августа Александр I назначил главнокомандующим всеми русскими армиями фельдмаршала М.И. Кутузова.

Это решение императора было крайне негативно воспринято П.И. Багратионом. О М.И. Кутузове он ещё в сентябре 1811 г. писал военному министру, что тот «имеет особый талант драться неудачно» [3, с. 220].

Сам Александр терпеть не мог этого, как он выражался «одноглазого старого сатира», который не смог разгромить Наполеона под Аустерлицем и тем самым, опозорил своего государя перед всей Европой [4, с. 207]. Но назначения Кутузова требовали дворянские круги. Их мнение царь вынужден был учитывать. Выбор кандидата на пост главнокомандующего русской армией император поручил Чрезвычайному комитету из числа крупнейших сановников империи, среди которых был и А.А. Аракчеев. Из четырёх рассмотренных комитетом кандидатур — П.И. Багратиона, Л.Л. Беннигсена, М.И. Кутузова и А.П. Тормасова, члены комитета единогласно поддержали М.И. Кутузова [4, с. 207].

Объясняя свою отстранённость от выбора главнокомандующего Александр I писал, что он не мог выбрать на эту должность никого из своих военачальников, включая М.Б. Барклая де Толли, П.И. Багратиона и М.И. Кутузова, считая всех их малоспособными для этого. И поэтому передал эту функцию комитету, для определения главнокомандующего большинством голосов. «Публика желала его назначения, я его назначил. Что же касается меня, то я умываю руки» — заявил император [4, с. 208].

Практически весь период существования Российской империи беспокойными оставались её южные границы. Отношения с Османской империей не отличались стабильностью. Период относительно мирного их развития сменялся очередным военным конфликтом. Немалые усилия для сохранения напряжённости в русско-турецких отношениях прилагала и наполеоновская Франция. Очередной военный конфликт разразился в 1806 г. Долгое время ни одна из сторон не могла добиться видимого успеха. И только в 1811 г. новый главнокомандующий русской армией М.И. Кутузов сумел нанести туркам решающее поражение на Балканах. 16(28) мая 1812 г. был подписан Бухарестский мирный договор. 11(23) июня он был утверждён Александром I. На следующий день началось вторжение в Россию наполеоновских войск [2, с. 255].

Завершение русско-турецкой войны давало возможность значительную часть сил Дунайской армии на Балканах высвободить для участия в войне с французами.

22 июля (3 августа) 1812 г. главнокомандующий Дунайской армией адмирал П.В. Чичагов направляет письменное обращение главнокомандующему 2-й Западной армией генералу П.И. Багратиону с просьбой высказать своё суждение о военной ситуации в России. «Не зная то что настоящего положения Вашего Вы меня обяжете, доставить мне подробное уведомление о числе и месте пребывания как Вашей, так и первой и третьей западных армий, о силе и движениях неприятельских, далеко ли зашел он во внутрь России; какое берет направление и есть ли у него в тылу какая либо войска наши? о мерах согласованных между Вами и Генералом от инфантерии Барклаем де Толли в отношении к неприятелю? Одним словом я надеюсь получить от Вашего сиятельства в дополнение к сему все те сведения, которые для собственных соображений моих Вы нужными сочтете» [1, с. 161–162].

В ответе, написанном 31 июля (12 августа) Пётр Иванович детально изложил практически весь начальный период войны применительно к ситуации и событиям на своём направлении. Вынужденные отступить войска 2-й армии «... не позволили иметь неприятелю в действиях поверхности, но при всех встречах и нападениях наносили ему самому вред ...» [1, с. 162].

Багратион упоминает сражения при Мире 27 июня (9 июля), Романове 2(14) июля, Дашкове 9(17) июля.

После занятия войсками маршала Л.Н. Даву Минска 26 июня (8 июля) 2-я армия оказалась в критическом положении. Наступавшие на Несвиж три корпуса Вестфальского короля Жерома Бонапарта должны были замкнуть вокруг неё кольцо окружения. Но Жером на четыре дня задержался в Гродно и Багратион смог избежать опасности. «Насилу вырвался из аду, — писал он. — Дураки меня выпустили» [3, с. 219].

Наполеон от подобного непрофессионализма и безответственности своего брата был в ярости. «Все плоды моих маневров и прекраснейший случай, какой только мог представиться на войне потеряны вследствие этого странного забвения элементарных правил войны» — писал император французов [4, с. 203].

В письме Чичагову Багратион также отметил победы русских на других направлениях, как то: разгром А.П. Тормасовым саксонских войск под Кобрином 15(27) июля, пишет о жестоких сражениях между корпусами генерала П.Х. Витгенштейна и маршала Ш.Н. Удино в районе между Себежем и Полоцком, соединении 1-й и 2-й армий 22 июля (3 августа) и ожидании генерального сражения.

Багратион выражает уверенность, что появление Дунайской армии на полях сражений будет неоценимой поддержкой действующей армии. «Мы однакож ожидаем вас с нетерпеливостью надеясь что прибытие ваше доставит споспешество к полезнейшему обороту в военных действиях, и чем скорее достигнем мы сего тем будет полезнее к обрадованию целой России. На сей конец не найдете ли ваше высокопревосходительство возможности сблизится с нами скорее изъясненнаго в отзыве вашего времени» [1, с. 163].

Объединившись 1-я и 2-я Западные армии встретились с противником в Смоленском сражении. Наполеон бросил на овладение Смоленском все свои силы, рассчитывая вовлечь русских в генеральное сражение и уничтожить обе армии сразу. Но Барклай де Толли, успешно маневрируя, вывел свои войска из-под удара. Подобная тактика решительно не нравилась Багратиону. «Ретираты наши никуда не годятся, — писал он Чичагову 15(27) августа. — Я сделал мой долг: отброшенный от армии переодолел все перепоны — соединился. Я хотя и старее его, но Государю неуютно, чтобы один командовал; а ему велено все: стало хоть не рад, да будь я готов. Я кричу — вперед, а он назад. Вот и дойдем скоро до Москвы!» [1, с. 164].

Неудачу в Смоленском сражении П.И. Багратион всецело возлагает на М.Б. Барклая де Толли, за то, что тот не использовал для защиты города все силы 1-й армии, которая участвовала в боях только в течение одного дня. Русская армия продолжала отступать.

«Теперь обе армии зближаются к Вязме где как я со стороны моей предполагаю должно непременно идущаго вслед за нами неприятеля остановить противу его действием», — информировал Багратион главнокомандующего Дунайской армией [1, с. 165].

Переписка представителей высшего командного состава русской армии — ценнейший исторический документ, который проливает свет не только на отдельные аспекты войны 1812 г., но и даёт представление об участниках этих событий с их устремлениями, амбициями, противоречиями, интригами и борьбой интересов. Иными словами переписка отражает реальную ситуацию в русской армии периода войны с наполеоновской Францией.

1. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. — М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1904. — Часть восьмая. — 428 с.
2. Дипломатический словарь. В 3-х т. — М.: Политиздат, 1971. — Т.1. — 612 с.
3. Залесский, К.А. Наполеоновские войны. 1799–1815: Биографический энциклопедический словарь / К.А. Залесский. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. — 825 с.
4. Троицкий, Н.А. Александр I и Наполеон / Н.А. Троицкий. — М.: Высш. шк., 1994. — 304 с.